

УДК 930.85

**«ПОЛЬСКИЙ ФАКТОР» В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФРАНТИШЕКА ЛАДИСЛАВА РИГЕРА
(1849-1871 гг.)**

DOI: 10.25629/НС.2021.11.02

Ксенофонтов И.А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. В данной статье рассматривается взаимодействие лидеров чешской Национальной партии с польскими политиками-эмигрантами, а также галицийскими деятелями. Анализируются причины, способствовавшие началу такого взаимодействия и факторы, которые привели к концу такого сотрудничества. Важным контекстом чешско-польских взаимоотношений стали конституционные реформы в монархии Габсбургов, а также крупные перемены на международной арене: усиление Пруссии, ее победа в войне с Францией, объединение Германии. Важно понимать, что для чешских политиков Ф.Л. Ригера и Ф. Палацкого главной целью союза с поляками стало оказание давления на Вену. Переговоры с центром должны были привести к федерализации государства и решению в империи славянского вопроса в целом и чешского в частности. Однако чешско-польское сотрудничество не было долговечным, а проект федерализации не был воплощен в жизнь. Чешские и галицийские политики по-разному интерпретировали концепцию австрославизма, единое понимание так и не было сформировано. Большую роль в разрыве сыграл и взгляд на Россию. Если первые прагматично искали в ней союзника, который поможет австрийским славянам, то вторые видели в империи Романовых лишь врага. Провал в попытке примирить обе стороны стал ощутимым поражением для Ф.Л. Ригера в период дуализации Габсбургской монархии.

Ключевые слова: монархия Габсбургов, чешские земли, Галиция, польская эмиграция, Российская империя, славянская взаимность, Ф.Л. Ригер, Ф. Палацкий, А. Голуховский, Ф. Смолька.

Введение в проблему

Как известно, польский вопрос оставался одним из острых в международных отношениях второй половины XIX века в политике стран-участниц разделов Речи Посполитой – России, Пруссии (с 1871 г. – Германии) и монархии Габсбургов. Взаимодействуя между собой, а также действуя на европейской арене в целом, они должны были учитывать ситуацию в польских землях. Для этих держав наиболее существенным был курс на их безболезненную интеграцию в свой состав. Необходимым элементом для этого было инкорпорирование политически активной части польского населения в структуру монархий.

Конечно, национальные деятели, пристально следившие за внешней и внутренней политикой стран-участников разделов, имели собственную трактовку польской проблемы при построении тех или иных политических комбинаций. Некоторые славянские политики монархии Габсбургов смотрели на нее еще и сквозь призму славянства (чеш. *slavanství*), славянской взаимности. Стремясь к улучшению положения своих народов, желая повлиять на внутри- и внешнеполитический курс Австрийской монархии, они пытались всегда, когда это было возможно, использовать ту самую «польскую карту». Одним из таких политиков был Франтишек Ладислав Ригер (1818–1903 гг.).

Первые попытки взаимодействия

В его многосторонней политической деятельности польский фактор имел особое значение. Революцию 1848-1849 гг. можно считать отправной точкой в попытках Ригера наладить контакт с галицийскими политиками. Это было обусловлено тем, что в ходе «весны народов» ясно оформилась идея консолидации австрийских славян в противостоянии с немецким объединительным

движением, с одной стороны, и в их политическом утверждении в империи, с другой. Конкретным воплощением данной идеи стал Славянский съезд в Праге в июне 1848 г. [1, с. 317-319].

Ригер намеревался «навести мосты» не только с галицийской шляхтой, но и с польской эмиграцией в Париже, поскольку «Отель Ламбер» имел на нее большое влияние. Так, пребывая в Париже в мае 1849 г. после поражения революции, Ригер встретился с лидером польской консервативной эмиграции Адамом Чарторийским. Чешский политик призывал его поспособствовать делу славянского единения в Габсбургской монархии [2, s. 18, 3, s. 511-512].

В ходе переговоров у Чарторийского и Ригера появилась идея помирить австрийских славян и венгров [3, s. 512]. Для этого 18 мая 1849 г. в Париже было создано специальное совещание. Его председателем был польский князь. Помимо Ригера на встрече присутствовали венгерские революционные представители [2, s. 18] [3, s. 512-513].

По воспоминаниям Ригера, на совещании обсуждалась идея мадьяр создать Дунайскую федерацию. Однако между участниками возникли разногласия по поводу статуса славянских народов и румын внутри венгерских земель [3, s. 513-514].

Тем не менее на совещании были достигнуты некие договоренности, которым Чарторийский придавал очень большое значение. Но они так и не были реализованы [3, s. 514-515]. Ригер отзывался о них скорее с пренебрежением, при этом не указывая никаких конкретных деталей [2, s. 19].

Несмотря на отсутствие практического результата, установление связей с польской консервативной эмиграцией могло открыть перспективы для сотрудничества с галицийской шляхтой. Это предоставило бы Ригеру больше простора для возможных политических маневров.

Сотрудничество в парламенте. Первые трения

Следующим важным этапом в коммуникации Ригера с поляками стало начало 1860-х гг. В это время монархия Габсбургов вступила в период конституционных реформ. У австрийских славян ввиду определенной либерализации режима и появившейся надежды повлиять на меняющуюся политическую структуру возникла необходимость для более тесного взаимодействия. И чехи с поляками здесь – не исключение.

В это время для чешской Национальной партии остро стоял вопрос о политическом представительстве в рейхсрате. В начавшихся дискуссиях о целесообразности участия в выборах в парламент в 1861 г. одним из факторов, склонивших чашу весов в пользу участия в избирательной кампании, стала новость о намерении галицийских поляков вступить в борьбу за мандаты [4, s. 128]. Это говорит о том, насколько серьезно чешские политики воспринимали поляков как соратников в первых политических акциях на имперском уровне.

Важно отметить, что в Галиции в тот период были сильны позиции автономистов, стремившихся к федерализации монархии Габсбургов. Этому желали также Ф.Л. Ригер и Ф. Палацкий. С чешской Национальной партией поляков роднили концепция государственно-исторического права и сопротивление централизации и германизации. К сотрудничеству с другими австрийскими славянами поляков подталкивала потребность дать отпор австро-немецким централистам.

Однако между чешскими и польскими федералистами были и серьезные расхождения. Они касались не только различий в понимании австрославистской программы (для поляков австрославизм – это лояльность в обмен на «возвращение» польской государственности в Галиции, но и отношения к России [5, с. 136-137, 6, с. 314]. Если у Ригера и Палацкого на тот момент оно было скорее нейтральным, то у поляков – резко негативным. Последние стремились противодействовать «русскому панславизму» и желали привлечь к своим начинаниям великие державы. Пангерманизм и панславизм они считали равнозначными угрозами [5, с. 138, 140-141]. Названные противоречия неизбежно должны были дать о себе знать в будущем.

Что касается политических сил в Галиции, то сторонниками федерализации и исторического права была группа «краковских консерваторов» под руководством бывшего министра внутренних дел Агенора Голуховского, а также группа «львовских демократов» во главе с депутатом галицийского сейма Францишеком Смолькой [6, с. 318]. Последние отличались от

первых тем, что требовали более широкой автономии для Галиции в составе монархии. Именно со Смолькой и его сторонниками Ригер наладил тесный контакт в Палате депутатов рейхсрата в 1861 г.

Вместе со словенцами, а также с федералистами из Тироля и Буковины чехи образовали Клуб депутатов-автономистов. Его лидером стал Ригер. Примечательно, что поляки в Клуб не вошли, но регулярно посылали своих доверенных лиц на проводившиеся совещания. Польские и чешские депутаты довольно тесно сотрудничали, взаимодействуя на заседаниях парламента [7, s. 140]. Об этом свидетельствуют и публикации во французской газете «Le Temps». В ней действия чехов и поляков воспринимались как совместная инициатива, а они сами – как сплоченный блок [8, p. 1] [9, p. 1], [10, p. 1].

Настроения чешских и польских депутатов действительно были близки на почве критики централизма, отпора германизации и защиты федералистского проекта. К примеру, в своих выступлениях Ригер делал акцент на несправедливости избирательного закона и требовал его изменения. На этом же фоне Францишек Смолька и польские депутаты поднимали вопрос о том, узкий ли действующий рейхсрат или расширенный. А если он узкий, то имеет ли право принимать законы для всей империи [11, с. 265]. Впрочем, по остальным пунктам общая тактика не оговаривалась. В таких случаях каждая группа славянских депутатов голосовала по своему усмотрению.

Несмотря на определенную скоординированность действий, австрофедералистский блок численно не мог противостоять австро-немецкому либеральному лагерю. Чешские национальные политики ощущали себя в парламенте неуверенно. Им не удавалось реализовать свои идеи и предложения.

В этих условиях со стороны Палацкого, Ригера и их окружения стали звучать предложения об уходе из рейхсрата. Оба лидера считали, что в текущих условиях политических дивидендов в парламенте они не получают. Показательно, что, когда эта идея начала обсуждаться в Чешском клубе депутатов, большинство высказалось за подобную акцию лишь в одном случае: если это сделают поляки [4, s. 233-234]. Этот факт снова свидетельствует о том, как чешские политики вынуждены были оглядываться на своих коллег из Галиции. Солидарные с ними действия они считали одним из важнейших факторов их политического успеха.

Уход чехов из рейхсрата сыграл отрицательную роль в их взаимоотношениях с поляками. Будучи всегда, вследствие специфики программы, политически более эгоистичными, последние отказались поддержать чехов и остались в рейхсрате [12, s. 239]. Со временем такая самостоятельная политическая линия, направленная на приобретение лишь собственных политических прав и выгод, получила дальнейшее развитие. Показательна фраза лидера моравских автономистов Алоиза Пражака в письме Ф.Л. Ригеру в тот период: «Уверен, что поляки всякий раз, когда появится надежда отделиться от Австрии, не пойдут с нами и что солидарность наша вновь заявит о себе, когда будет идти речь о совместных действиях против германизации и централизации» [13, s. 155]. Тем не менее, как покажут дальнейшие события, Ригер продолжит поддерживать связь со Смолькой (как и с Голуховским).

Между тем отказ чехов от участия в работе парламента не стал таким громогласным, как ими ожидалось. Расчет на поляков не удался. Так проявилось важное различие в политической тактике чехов и поляков: если одни считали пассивную оппозицию действенным средством достижения политических целей, то другие полагали, что выгодней по-прежнему присутствовать в парламенте и вести диалог с центром, рассчитывая в более подходящий момент получить свои дивиденды от перестройки монархии.

Восстание в Царстве Польском в восприятии Ф.Л. Ригера

Важным событием, оказавшим влияние на характер взаимоотношений Ригера с поляками, стало Январское восстание в Царстве Польском (1863-1864 гг.). Оно обострило дискуссии о польском вопросе, которые бушевали не только на международной арене, но и в самой монархии Габсбургов. Очевидно, в этот период старочешский деятель стоял перед жесткой дилем-

мой. Отношение к восстанию могло напрямую повлиять на его репутацию в глазах галицийской шляхты (как и российского общества). Тем не менее, в отличие от большей части чешской общественности, он категорически не принял восстание.

Свой взгляд лидер Национальной партии обстоятельно выразил в статье «О польском вопросе», опубликованной в газете «*Národní listy*» 14 июня 1861 г. Она была ответом на «Письмо г. Ригеру в Прагу (о Русско-Польских делах)» А.Ф. Гильфердинга, российского слависта и чиновника из МИДа, близкого к славянофилам [14, с. 14-17].

Эта публикация свидетельствовала, что Ригер был скептически настроен к событиям в Царстве Польском. Он сомневался в победе поляков. Между строк читался явный намек на то, что восстание было бесполезным [15, с. 1].

При анализе целей и требований польской стороны Ригер опирался на государственно-историческое право. Пользуясь этой концепцией, он обосновывал, почему украинские земли не могут принадлежать полякам в случае восстановления их государственности. Этому очень важному и болезненному для поляков вопросу отведено в статье значительное место. Кратко резюмируя историю государственности Польши и России, Ригер отмечал, что изначально украинские земли были территорией Руси. Поэтому притязания поляков на этот регион несправедливы [15, с. 2].

Ригер использовал также и естественно-правовую аргументацию (хотя прямо о ней не упоминает). С точки зрения языка и религии украинцы и русины, по его мнению, были ближе к русскому народу, нежели к польскому [15, с. 2].

Хоть чешский деятель не признавал территориальных притязаний поляков, он подчеркивал: «Ни один из нас <...> не может признать разделение Польши справедливым поступком, и, значит, ни один из нас не может признать правовое основание, по которому Россия держит землю польскую, правильным» [15, с. 1].

Несмотря на стремление Ригера занять нейтральную позицию, поляки восприняли его как сторонника России. Это неудивительно. Критика польских претензий на кресы составляла большую часть его рассуждений. В целом Ригер в своей аргументации «русскости» украинско-русинского населения шел тем же путем, что и российское правительство. Их точки зрения в данном вопросе сближались. Это не могло не вызывать отторжения у поляков, что логично порождало обвинения в симпатиях к Российской империи.

Размышления Ригера, обнародованные в статье, повлияли на его взаимоотношения с польскими депутатами рейхсрата. В июне 1863 г. они солидаризировались с немецкими парламентариями и обвиняли чехов в панславизме [13, с. 155]. Это очень показательный момент: изначально польские парламентарии, как и чешские, были в оппозиции немцам, сторонникам централизации и германизаторской политики. Но на почве панславистской риторики они оказались готовы примкнуть к своим оппонентам и подвергнуть обструкции вчерашних союзников.

Для Ригера обструкция поляков стала свидетельством неудачи его курса. Стремление к тесному сотрудничеству с ними было перечеркнуто рассуждениями старочеха о текущих политических событиях. Свою роль сыграла и его уверенность в необходимости отстоять свои взгляды.

Между тем его категоричные выступления стали основой для обвинений как со стороны радикальных чешских групп и поляков, так и славянофилов. Неудивительно, что в одном из своих писем жене Ригер указывал, что его статья не понравилась ни полякам, ни русским [7, с. 152].

Чешско-польский союз перед лицом дуализма

Летом 1866 г. наметился очередной поворот в тесных контактах Ригера с поляками. На этот раз фактором сближения стала не только федералистская платформа, но и борьба против дуализации монархии. Примечательно, что часть поляков, настроенная против дуализма, считала его угрозой для себя из опасений «поворота» австрийских славян в сторону России. Таким образом, проблему дуализма они отчасти воспринимали сквозь призму панславизма. Страх перед ним и пангерманизмом обусловил преобладание в галицийском обществе симпатий к федрализму как альтернативе дуализму [6, с. 234].

В этот момент Ригер активно взаимодействовал с вдохновителем Октябрьского диплома Агенором Голуховским и «краковскими консерваторами». В июне 1866 г., когда переговоры между Веной и венгерской элитой шли полным ходом, в столице монархии проходило и совещание федералистов. Во встрече участвовали, помимо поляков, чехов из Богемии и Моравии, также хорваты и австро-немецкие федералисты. Ведущая роль на нем принадлежала Ригеру и Голуховскому.

Чешский политик стал основным автором общего проекта, пронизанного духом государственно-исторического права. Показательно, что за этот вариант активно ратовал Голуховский. Было решено подготовить документ для передачи премьер-министру Рихарду Белькреди, который должен был вручить его императору Францу Иосифу I [2, s. 303], [16, s. 112].

Реализацией этой акции занимались старочешский лидер и руководитель «краковских консерваторов». Поскольку вдохновителем всех мероприятий был Ригер, то, значит, этот выбор был сделан им осознанно.

В августе 1866 г. они договорились о том, что за поддержку поляками чехов те будут способствовать назначению Голуховского министром. В правительстве он бы лоббировал проект федерализации Австрийской империи [2, s. 303]. Таким образом, чехи и поляки, налаживая союз, уже пытались вести игру с высокими политическими ставками на имперском уровне.

10 августа Ригер, Палацкий и лидер моравских федералистов Алоиз Пражак встретились с премьер-министром Белькреди. Они ходатайствовали о назначении Голуховского, который представлял бы в правительстве интересы славян. Однако Белькреди крайне смутил чехов сообщением о том, что недавно к нему приезжали представители галицийской шляхты с просьбой назначить Голуховского наместником в Галиции [2, s. 304-305].

Эта новость ослабила высокий тон переговоров. Проект Ригера и других федералистов Белькреди рассматривать не стал. Лидер Национальной партии в своих воспоминаниях видел причину неудачи в том числе в несогласованных тактических действиях несостоявшихся союзников [2, s. 304-305]. Голуховский позднее действительно получил должность наместника в Галиции.

Данные факты показывают, что союз чешских и польских политиков был весьма зыбким, неустойчивым. Даже сотрудничая, поляки оставляли за собой право действовать самостоятельно и в случае необходимости отказаться от общих акций. Доподлинно неизвестно, была ли просьба галицийской шляхты в адрес Белькреди неожиданной для Голуховского, который на тот момент находился в Вене. Однако он согласился стать наместником и в общих акциях с Ригером уже не участвовал.

На рубеже 1866 и 1867 гг., когда переговоры между Веной и венграми об Ауегляйхе были на финальной стадии, Ригер вновь пытался сплотить лагерь федералистов. Среди польских шляхтичей он контактировал с Адамом Йозефом Потоцким, который направил к чехам в роли доверенного лица Леона Збышевского. Встреча показала, что поляки в целом солидарны с чехами, но не готовы к открытому антиправительственному выступлению. Кроме того, они опасались жестких действий со стороны нового премьер-министра Рихарда Бойста. Поляки предпологали, что канцлер, если вспыхнет политический конфликт, пойдет на все ради победы. Вплоть до разжигания социальной ненависти к шляхте в Галиции [2, s. 397].

Польская аристократия допускала, что она будет участвовать в работе узкого рейхсрата. Она надеялась, что федералисты на нем получают большинство, что позволило бы диктовать свою волю правительству. Они были согласны и с появлением весомого меньшинства, которому удалось бы не допустить сокращения уровня автономии в коронных землях. С другой стороны, поляки такими действиями боялись лишиться «смычки» с чехами и мораванами. Галицийская шляхта не хотела, чтобы в случае ее участия в работе узкого рейхсрата она осталась наедине с австро-немецкими силами. В целом Збышевский призывал чехов не игнорировать узкий рейхсрат [2, s. 397].

На позицию поляков влияло их стремление сохранить свою индивидуальность, традицию государственности на фоне русификаторской политики в Царстве Польском. Это стремление

вынуждало их «отдать себя в руки правительства на его милость или немилость» [2, s. 397]. Таким образом, поляки колебались и пока не знали, на что точно решиться. Это отметил в своих воспоминаниях и сам Ригер [2, s. 397]. Но ввиду того, что еще в декабре 1866 г. сейм Галиции принял адрес императору, пронизанный духом лояльности, можно говорить о том, что польская шляхта постепенно двигалась к принятию дуализма [6, s. 234].

В январские дни 1867 г. в Прагу прибыли Адам Потоцкий и Станислав Тарновский. Оба высказывались в том же духе, что Збышевский, оправдывая свою нерешительность [2, s. 401]. Примечательно, что Бойст пытался склонить польских федералистов на сторону правительства. Премьер-министр соблазнял их предоставлением особой автономии для Галиции в составе дуалистической монархии. Взамен же Бойст просил не только согласиться на участие в выборах в рейхсрат, но также прекратить контакты с чешскими федералистами. Потоцкий отказался принять эти предложения, но в беседе с Ригером отметил, что они могли оказать влияние на его соотечественников [2, s. 401].

Несмотря на все пертурбации, Ригер по-прежнему связывал особые надежды с созданием единого чешско-польского блока. Но чехи остались в изоляции со своей тактикой пассивного сопротивления, ибо поляки уже активно обсуждали идею автономии Галиции [16, s. 136].

В Львове в конце концов победили сторонники соглашения с центром. Союзники Голуховского и Потоцкого, несмотря на их политический вес, остались в меньшинстве. Подавляющим большинством голосов сейм высказался за участие в работе учредительного узкого рейхсрата. Это в очередной раз ознаменовало собой крах попыток создания чешско-польского блока федералистов [7, s. 170].

Промежуточные причины польского отказа от союза

Причины, по которым шляхта пошла на компромисс с правительством, оставались те же. Среди них – склонность к лояльности ради сохранения и усиления своей государственности в монархии, а также боязнь панславизма. Поляки считали, что их соглашение с Веной будет способствовать становлению внутреннего мира в монархии. Это стало бы залогом ее спасения от распада и укрепления сил перед лицом России [5, с. 140].

В историографии выделяются еще два фактора, оказавших влияние на поведение поляков. Во-первых, у галицийской шляхты были свежи воспоминания о неудачном восстании в Царстве Польском 1863-1864 гг. К новому затяжному противостоянию теперь уже с Австрийской империей она не была готова. Поэтому политическое преобладание в сейме получили сторонники «органического труда», имевшие свою философию. Они стремились к достижению конкретных целей в рамках политики лояльности. Во-вторых, радикализм поляков сдерживали русинско-польские противоречия и угроза административного разделения провинции по этническому признаку. Кроме того, роспуск оппозиционных богемского и моравского сеймов продемонстрировал бесполезность открытого конфликта [17, с. 64].

Итак, создание эффективного федералистского блока, где важную роль играл бы союз чешской Национальной партии с галицийскими автономистами, потерпел неудачу. Монархия Габсбургов неизбежно двигалась к дуализму. Развитие ситуации наглядно показывало, что действия чешских и польских политиков были далеки от взаимодействия, удовлетворяющего обе стороны. Собственные интересы подрывали гипотетическую сплоченность на внутренней арене. Поэтому у Вены была возможность решать проблемы с каждым народом по отдельности.

Поляки в зарубежных акциях Ф.Л. Ригера и Ф. Палацкого

Испытав поражение на внутривнутриполитическом поле, Ригер решил сделать ставку на заграничные акции. Он намеревался привлечь на свою сторону Францию и Россию. По его замыслу, эти страны должны были повлиять на Вену, подтолкнуть ее к федерализации монархии и тем самым содействовать решению чешского вопроса. Но и в этих «внешнеполитических» исканиях важную роль Ригер отводил полякам. Так начинался новый этап его контактов с ними. Он пришелся на апрель 1867 – июль 1869 гг.

Для того чтобы склонить Францию стать союзником, лидер старочехов поставил себе цель добиться встречи с императором Наполеоном III. Он надеялся, что в этом ему поможет польская эмиграция в Париже, а именно «Отель Ламбер», имевший связи во французском истеблишменте.

Что касается России, то, решение русско-польского конфликта Ригеру нужно было для сплочения славянских народов. Дело в том, что он считал целесообразным использовать концепцию славянской взаимности, сделав ее средством давления на Вену и укрепления славянского элемента в будущей федерации. Эта концепция стала бы политическим инструментом: австрийские славяне поднялись бы на защиту общих политических интересов, а Россия оказала бы им поддержку извне [18, с. 66]. По мнению Ригера, сближению славян мешало одно – русско-польский конфликт, который нужно было ликвидировать или хотя бы ослабить [19, с. 119] [20, с. 117]. Таким образом, в понимании Ригера переплетались интересы чехов, поляков и русских.

Первым шагом в реализации этого плана стала поездка во Францию весной 1867 г. 30 апреля Ригер имел беседу в «Отеле Ламбер» с князем Владиславом Чарторыйским (1828-1894 гг.) и графом Анджеем Замойским (1800-1874 гг.). Лидер старочехов попросил их помочь ему в организации встречи с Наполеоном III или хотя бы с Гортензией Корню, его доверенным лицом [21, с. 30]. Однако это было не все. Ригер хотел с помощью поляков-эмигрантов убедить галицийских депутатов рейхсрата в необходимости борьбы за федерализацию монархии Габсбургов. Взамен чешский политик предлагал польским эмигрантам свои услуги, а именно посредничество между поляками и Россией в урегулировании их конфликта [22, р. 34]. Для этого, по его мнению, можно было использовать поездку на Этнографическую выставку, подготовка к которой шла полным ходом [23, с. 256].

Итак, чешский политик по-прежнему делал большую ставку на галицийских политиков, несмотря на то, что они встали на путь сотрудничества с Веной. В этих условиях он решил попробовать повлиять на них через эмиграцию. Ригер попытался взять на себя амбициозную роль. Он хотел, чтобы Санкт-Петербург склонился к его толкованию польского вопроса как фактора, ведущего к федерализации Габсбургской монархии. Все это свидетельствует о том, насколько масштабны были его замыслы. По сути, он собирался включиться в большую политику. Таким путем чешская «внешняя политика» уже в первых попытках стремилась заявить о своих европейских амбициях.

Однако парижские поляки отказали в какой-либо помощи. Они мотивировали это симпатией Ригера к России и его осуждающими выступлениями в чешской печати против Январского восстания в Царстве Польском. Вот такой отголосок получила статья Ригера 1863 г. Ситуацию усугубила предстоящая поездка чешской делегации в Россию, о чем было известно в Париже. И если Ригер видел в Славянском съезде возможность для будущего примирения, то поляки – лишь подтверждение пророссийской (а значит, по их мнению, панславистской) ориентации чехов.

Ригер и Палацкий пытались убедить поляков, что в России они не собираются выступать против них на стороне Санкт-Петербурга [24, с. 178]. Однако указанные доводы не вызвали доверия у поляков. Эта неудача для Ригера имела большое значение. Польская эмиграция оказывала значительное влияние на формирование у французской общественности взглядов на славянский вопрос в Европе.

Так, Юлиан Клячко (1825-1906 гг.), рупор польских консерваторов в Париже, опубликовал в «Revue de Deux Mondes» статью «Московский конгресс и панславистская пропаганда». Автор допускал, что дуализм игнорирует национальные права славянских народов. Однако он ставил в вину чехам то, что их присутствие на съезде означает одобрение панславистской пропаганды России, которая напрямую угрожает монархии Габсбургов. А распад Австрийской империи, вызванный «царским империализмом», «поставил бы под удар всю Европу». Чехов же он посчитал агентами России в Центральной Европе [25, р. 172-190].

Более того, польские эмигранты составили письмо, которое отправили Ригеру и Палацкому в Москву. В нем они подчеркивали, что Польша, Литва и Украина – это единое государственное образование. Поляки тем самым пытались открыть чехам глаза на суть Этнографической выставки в Москве. Они полагали, что ее научный характер – ширма. Истинная цель этого мероприятия состояла в том, чтобы поспособствовать объединению славян в единое государство под главенством России. Польские эмигранты жалели, что чехи, успешно сопротивляющиеся немецкому давлению, склоняются перед русской опасностью [26, s. 173-176]. Фактически это было неприкрытое давление польской эмиграции на Ригера. Однако опасения поляков были напрасными.

В России чешского политика ждала неудача. Не ставя задачу пересказывать весь ход Славянского съезда, остановимся лишь на польском аспекте. Во время торжественного обеда в павильоне в Сокольниках (21 мая 1867 г.) Ригер выступил с речью. Старочех пошел на рискованный шаг, затронув один самых болезненных вопросов для Российской империи. В начале своего выступления он прагматически заметил, что осудил вместе с Палацким Январское восстание. Но вместе с тем был убежден, что Россия должна даровать полякам государственность. «<...> мы не можем таить в себе той мысли, что и поляки, ветвь западного славянства, отличная от народа русского, как по языку, так и по истории, имеют право на свое существование», – прокомментировал он свою позицию [27, с. 344]. Одновременно политик вновь заявил о необходимости сохранения украинских земель в составе России. Однако, «если придет время, когда поляки признают, искренно и в полной мере ваши права, права вашей народности, особенно же права малороссийской ветви, тогда придет ваша очередь», – добавил он, обращаясь к российским общественно-политическим кругам [27, с. 347].

Очевидно, если в Париже Ригер пытался склонить к примирению поляков с русскими, то теперь он попытался донести свою позицию до российского общественного мнения. При этом лидер старочехов как искушенный политик понимал, что вызовет раздражение у обеих сторон. Но, будучи уверенным в правильности своей линии, он следовал ей до конца.

Своей речью Ригер фактически вступал в конфликт с большей частью официальных и общественных кругов России. Не случайно, что после него сразу же выступил князь В.А. Черкасский, крупный общественный деятель и славянофил, еще недавно являвшийся главным директором Правительственной комиссии внутренних дел в Царстве Польском (1864 – 1866 гг.). Князь встал на защиту политики Российской империи применительно к польским землям. И неудивительно, что катковские «Московские ведомости» писали о громогласных овациях после речи князя [28, с. 2]. Январское восстание еще живо отзывалось в российском обществе.

Выступление Ригера являлось того, насколько ему было важно добиться польско-русского согласия на фоне австро-венгерского соглашения. Очевидно, его речь была адресована не только к общественным и политическим кругам России, австрийскому истеблишменту, но и к полякам.

Реакция на зарубежные акции Ригера и его идею о польско-русском примирении

Между тем его инициатива вновь вызвала жесткие нарекания со всех сторон. В глазах поляков, как покажут дальнейшие события, Ригер так и остался панславистом. В России сложилось иное мнение. Например, Катков утверждал, что Ригер произнес подобную речь по просьбе парижских поляков [27, с. 374]. Для того чтобы дезавуировать авторитет Ригера, им были подобраны материалы из польскоязычной прессы («Dziennik Poznański», «Czas», «Dziennik Polski», «Gazeta Narodowa», «Gazeta Torunska»). Издатель «Московских ведомостей», можно сказать, один из тогдашних лидеров российского общественного мнения, заявил в ответ на речь чеха: «<...> поляк, как термин политический, есть непримиримый враг России. Против польского племени никогда не было и нет у нас ненависти; но ненависть есть и должна быть против польской идеи в России» [27, с. 374].

Участие чешской делегации в Славянском съезде нанесло вред и складыванию позитивного восприятия чехов во Франции. В чем это выразилось?

Так, 22 мая, т.е. спустя неделю после отъезда чешских политиков, газета «Le Siècle» опубликовала статью «Панславизм и Австрия». В ней категорически осуждалось участие вообще австрийских славян, в том числе и чехов, в Славянском съезде. Чехи, как и другие славяне империи, лишь поддались на приманку России, которая сначала завлечет их «лестью и лаской, а потом набросится на них с оружием в руках», – утверждалось в статье [29, р. 1].

В тот же день схожий материал вышел в «Opinion Nationale». Утверждалось, что в текущий момент панславизм намного опасней, чем пангерманизм. В то же время удовлетворение требований чехов в Австрии привело бы к ее раздробленности, как в Средние века, а также спустя время к новым гуситским войнам [30, s. 87-88].

Ко всему прочему поездку чехов в Россию осудили известные французские журналисты и общественные деятели Анри Мартен и Сен-Рене Тэллиандье, знавшие лично Ригера и симпатизировавшие чешской борьбе за национальные права [30, s. 87-88] [31, р. 1-2]. Что же касается австро-немецкой и венгерской прессы, то она, и без того враждебно настроенная к России, начала мощнейшую полемику против чехов, России и панславизма. Эта тема стала ведущей практически у всех газет [32, с. 88].

Эхом поездок в Париж, Москву и Санкт-Петербург стали вновь неудачные переговоры с В. Чарторыйскими летом 1869 г. Ригер выразил недовольство действиями поляков в Галиции в пользу дуализма и просил лидеров эмиграции убедить их в ошибочности этого курса. Однако и на этот раз его приняли его неприязненно, видя в нем агента России [21, s. 66-67] [33, s. 189] [34, s. 189].

Попытки опереться на поляков и Россию в начале 1870-х гг.

В этот период Ригер вновь обращается к польскому вопросу. Это произошло в тот момент, когда Национальная партия и Партия консервативного велькостатка Я. Клам-Мартиница вели борьбу за утверждение Венной Фундаментальных статей. Кроме того, на атмосферу в Европе влияла франко-прусская война. Победы Пруссии и появление в 1871 г. объединенной Германии только усиливали страх чешских политиков перед поглощением ею Цислейтании.

В данной ситуации Ригер допускал, что Германия попытается привлечь поляков на свою сторону. Поэтому России следовало предпринять упреждающие действия и пойти полякам на уступки. Она, считал лидер старочехов, тоже была заинтересована в том, чтобы противостоять Германии и предотвратить захват чешских земель [20, с. 17]. В его понимании интересы чехов, поляков и русских были взаимосвязаны.

В это время он активно сотрудничал с лидером «львовских демократов» Францишекком Смолькой. К сожалению, малое количество источников не позволяет всесторонне осветить этот сюжет. Однако можно выделить некоторые важные тенденции. Прежде всего, Ригер рассчитывал, как и ранее, внести свою лепту в решение польского вопроса, даже несмотря на фиаско в 1867 г. Об этом свидетельствует его переписка со Смолькой, в частности, ответ польского деятеля, датированный 11 августа 1870 г.

Судя по этому документу, Ригер в письме Смольке от 4 августа обсуждал возможность созыва в Праге славянского конгресса. Мероприятие должно было состояться весной 1871 г. В своем ответе Смолька касался предполагаемых целей конгресса, пусть и размыто, в самых общих чертах. Данная акция стала бы попыткой достигнуть взаимопонимания между славянскими народами. Смолька видел потребность в «солидарном действии славян в интересах прогресса и свободы и при условии поддержания особого историко-политического положения отдельных народностей» [35, s. 208].

Ригер предлагал, чтобы на конгрессе присутствовали и поляки, и русские. Смолька против подобной встречи не возражал [35, s. 208]. Таким образом, старочех был на шаг ближе к реализации намерения помирить поляков и Россию.

Смолька поднимал не только вопрос о созыве конгресса и о целесообразности общеславянских действий. Он хотел выработать общую с Ригером политическую линию в Австро-Венгрии. Прежде всего, это касалось вопроса об отправке ландтагами своих представителей в

рейхсрат. «Я очень прошу, напишите мне немедленно, как вы оцениваете текущее положение дел, ибо весьма необходимо, чтобы мы действовали единодушно», – писал галицийский автономист. Он отмечал, что он и его партия будут солидарны с Ригером и поддержат его точку зрения [35, s. 209-210].

Итоги

Таким образом, Ригер развивал идеи, высказанные еще в 1867 г. Он пытался воплотить их в жизнь в период, когда, по его мнению, решалась судьба не столько Цислейтании, сколько всей Центральной Европы. Что касается идеи общеславянского конгресса, то она так и не была реализована в связи с незаинтересованностью в этой акции российской стороны. Важными факторами стали также срыв подписания Францем Иосифом I Фундаментальных статей и победа Пруссии в войне с Францией.

Выводы

В период перестройки монархии Габсбургов «польский фактор» играл значительную роль в политике Ф.Л. Ригера. Это связано с таким инструментом, как славянская взаимность, которым оперировали чешские политики в своих устремлениях. Среди последних главным был проект федерализации Габсбургской империи, который некоторое время привлекал и поляков.

Ведущие деятели Национальной партии были убеждены, что Россия сама заинтересована в союзе с южными и западными славянами [36, с. 137]. Но сплочению австрийских славян и их союзу с Санкт-Петербургом перед лицом Вены, по мнению Ригера, мешал польско-российский конфликт. Поэтому он последовательно пытался найти подход к его решению. Другое дело, что стороны, к которым он обращался, не желали идти ни на какой компромисс. И поэтому Ригер дискредитировал себя в их глазах, что прямо отражалось на степени успеха в его начинаниях.

Несмотря на провал чешско-польского союза третью четверть XIX в. можно рассматривать как важный этап в развитии связей между двумя народами.

Библиография:

1. Кирилина Л.А. Национальные идеи у чехов в 1848-149 гг. // Европейские революции 1848 г. «Принцип национальности» в политике и идеологии. М.: Индрик, 2001. 456 с.
2. Rieger B. Z vlastních pamětí Fr. Lad.Riegra // Osvěta. Listy pro rozhled v umění, vědě a politice. 1906. № 36. Díl 1. 243 s.
3. Žáček V. Polská otázka v činnosti Františka L. Riegra // Slovanský přehled. 1971. № 57. 563 s.
4. Kramář K., Tobolka Zd. Česká politika. Díl 3. Dějiny české politiky nové doby. Praha: Nákladem Jana Laichtera, 1909. 805 s.
5. Фалькович С.М. Отношение польского национального движения к Австрийской империи и идеологии австрославизма в контексте идей панславизма и пангерманизма (50 – 70-е годы XIX в.) // Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. 255 с.
6. Она же. Польское национальное движение и монархия Габсбургов: проблема австрофильства, федерализма, дуализма // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. IV. Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI-XX вв.). Памяти В.И.Фрейдзона. СПб.: Алетейя, 2011. 488 с.
7. Sak R. Rieger: příběh Čecha 19. věku (s předmlouvou Václava Klause). Semily: [s. n.], 1993. 325 с.
8. Le Temps. 14.05.1861.
9. Le Temps. 20.12.1861.
10. Le Temps. 25.09.1862.
11. Ждановская А.А. Парламентское представительство Чешских земель // Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов 1848-1914 гг. Очерки. М.: Индрик, 2018.

12. Žáček V. Polonofilství a rusofilství – dvě alternativy českého slovanství let šedesátých // Slovanství v národním životě Čechů a Slováků. Praha: Melantrich, 1968. 500 s.
13. [1863, 25. června] – Pražák Riegrovi // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1. Z let 1836 až 1871. Praha: nákladem České akademie věd a umění, 1924. 245 s.
14. Гильфердинг А.Ф. Письмо к г. Ригеру в Прагу (о русско-польских делах) // День. 4.05.1863.
15. Rieger F.L. O polské otázce // Národní listy. 14.06.1863.
16. Tobolka Zd. Politické dějiny československého národa od r. 1848 až do dnešní doby. Díl II. 1860-1879. Praha: Československý kompas, 1933. 395 s.
17. Миллер А.И. Галиция в системе австро-венгерского дуализма // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. 232 с.
18. Doubek V. Obraz Ruska v politice F. L. Riegra a F. Palackého (40. – 70. leta) // F. L. Rieger a česká společnost 2. poloviny 19. století. Semily: Státní oblastní archiv v Litoměřicích – SOkA Semily, 2003. 335 s.
19. Киселькова Н.В. Российский фактор в общественно-политической жизни чехов в 50-е – 70-е гг. XIX в. (по материалам архива М.Ф. Раевского). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2008. 254 с.
20. Шнеерсон Л.М. Чешский проект славянского конгресса в переговорах с правительством России в 1871 году // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У.І.Леніна. Серыя III. 1982. № 1. 131 с.
21. Pfaff I. Francie a Čechy v Evropě národních států. Francouzská politika F.L. Riegra 1867-1878. Praha: Euroslavica, 2013. 262 s.
22. Leger L. Souvenirs d'un slavophile (1863-1897). Paris: Hachette et cie, 1905. 280 p.
23. Lenderová M. Několik poznámek k audienci F.L.Riegra u Napoleona III. // Acta historica et museologica Universitatis Silesianae Opaviensis. 2000. № 5. 85 s.
24. Velké dějiny země Koruny české. Svazek XII.a. 1860 – 1890. Praha – Litomyšl: Paseka, 2012. 804 s.
25. Klaczko J. Le congrès de Moscou et la propagande panslaviste // Revue des Deux Mondes. 1867. Septembre. 452 p.
26. 1867 květen 13. – Pařížští Poláci Riegrovi a Palackému // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1. Z let 1836 až 1871. Praha: nákladem České akademie věd a umění, 1924. 245 s.
27. Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в мае 1867 года. М. : Унив. тип. (Катков и К°), 1867. 473 с.
28. Московские ведомости. 24.05.1867.
29. Vilbort J. Le panslavisme et l'Autriche // Le Siècle. Journal politique, littéraire et d'économie sociale. 18.05.1867.
30. Lenderová M. Mezi Paříží a Moskvou – Riegrovy cesty na jaře roku 1867 // F. L. Rieger a česká společnost 2. poloviny 19. století. F. L. Rieger a česká společnost 2. poloviny 19. století. Semily: Státní oblastní archiv v Litoměřicích – SOkA Semily, 2003. 335 s.
31. Martin H. L'Autriche et Les slaves // Le Siècle. Journal politique, littéraire et d'économie sociale. 15.06.1867.
32. Медяков А.С. Между Востоком и Западом. Внешняя политика монархии Габсбургов в первые годы дуализма (1866-1871). М.: Русское слово, 2010. 638 с.
33. 1869 březen 8. Paříž. – Rieger choti // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1. Z let 1836 až 1871. Praha: nákladem České akademie věd a umění, 1924. 245 s.

34. 1869 březen 10. Paříž. – Rieger choti // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1. Z let 1836 až 1871. Praha: nákladem České akademie věd a umění, 1924. 245 s.

35. 1870 srpen 11. Lvov. – Smolka Riegrovi // Příspěvky k listáři Dra Fr. Lad. Riegra. Díl 1. Z let 1836 až 1871. Praha: nákladem České akademie věd a umění, 1924. 245 s.

36. Лебедева О.В. Чешское русофильство в период установления австро-венгерского дуализма // Социально-политические и культурные процессы в странах Европы и Америки в Средние века и Новое время. Йошкар-Ола: МарГУ, 1990. 208 с.

“POLISH FACTOR” IN ACTIVITY OF FRANTIŠEK LADISLAV RIEGER (1849-1871)

DOI: 10.25629/HC.2021.11.02

Ksenofontov I.A.

Lomonosov Moscow State University

Abstract. This article examines the interaction of the leaders of the Czech National Party with Polish emigres, as well as Galician leaders. The reasons that contributed to the beginning of such interaction and the factors that led to the end of such cooperation are analyzed. An important context of Czech-Polish relations was the constitutional reforms in the Habsburg monarchy, as well as major changes in the international arena: the strengthening of Prussia, its victory in the war with France, the unification of Germany. It is important to understand that for the Czech politicians F.L. Rieger and F. Palacký, the main goal of the alliance with the Poles was to put pressure on Vienna. Negotiations with the center were supposed to lead to the federalization of the state and the solution in the empire of the Slavic issue in general and the Czech one in particular. However, Czech-Polish cooperation was not durable, and the federalization project was not implemented. Czech and Galician politicians interpreted the concept of Austro-Slavism in different ways, a common understanding was never formed. The opinion about Russia also played an important role in the break. While the Czechs pragmatically looked for an ally in her who would help the Austrian Slavs, the Poles saw only an enemy in the Romanov Empire. Failure in an attempt to reconcile both sides was a tangible defeat for F.L. Rieger during the dualization of the Habsburg monarchy.

Key words: the Habsburg monarchy, the Czech lands, Galicia, Polish emigration, Russian Empire, Slavic reciprocity, F.L. Rieger, F. Palacký, A. Gołuchowski, F. Smolka.